

A photograph of the Eiffel Tower in Paris, France, set against a dramatic sunset sky with large, golden clouds. The city skyline is visible in the background, with various skyscrapers and buildings. The overall color palette is warm, dominated by oranges, yellows, and blues.

16+

Вадим Векслер

Шпиль

Вадим Векслер

Шпиль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56445589

SelfPub; 2020

Аннотация

Всё началось с того, как после неудачного научного эксперимента мне во сне начал являться Пушкин и надиктовывать стихи из могилы.

Шпиль

‘Ползи, ползи, букашка
К пику булавки.
Щас тебя энтомолог...’

Игорь Бойченко

1-1

Отчаянная муха не сдавалась уже пять минут. Стекло, казалось, подрагивало и готово было уступить: вот только ещё чуть-чуть, постарайся! Пожухлый подоконный фикус, напротив, почти смирился со своей участью, равнодушно смотрел на разогретую улицу, пылился.

– Ваши тексты не достигли пока уровня публикации...

«Как же душно в этом офисе...»

– Стихи.

– Простите?

– Вы сказали «тексты». А у меня стихи.

– Но они же напечатаны? Русскими словами? Значит – тексты.

«Не хватало ещё с грохотом в обморок как перезревшая девица в борделе...»

– Ладно, не суть, так почему не достигли?

– Я не уполномочена разьяснять причины отказа. Редактор сказал «не достигли», значит – не достигли.

– Это кошмар какой-то...

– Вы не подумайте, мы вас не отваживаем, пишите ещё...

«Какой уже это по счету? Двадцатый? Тридцатый?»

– Вы понимаете, что мне 37 лет? Пушкин уже умер в этом возрасте...

– Погиб.

– Что?

– Не умер. Погиб героически на дуэли. То есть... после дуэли.

– Вы мне будете... Хорошо, он технически не умер, он вообще бессмертен! Мне-то что делать?

– Не знаю. Найдите себе работу по специальности. Вы кто по образованию?

– Какая разница?

– Вот и займитесь делом. Нечего занятых людей отвлекать.

«Да чем ты таким... А, к черту! На улицу, на воздух, потом насекачиться до отруба, чтоб не видеть всего этого го...»

—

– ...Что с вами? Вам плохо?

Бам-бам-бам! Как сваи забивает в виски сердечный ритм.

– Где это... А-а, плотоядное растение!

– Вы бредите! – куда-то в муть, в глубину: – Лена, принеси срочно воды!

– Я не брежу, я как раз-таки...

– Вот, выпейте!

- Я выпью! Я так выпью! Но. Не сейчас и не здесь. Как говорится, не при соглядатаях... Извольте откланяться!
- До свидания... Странный какой-то.

2-1

- Алё...
- Я тебя поздравляю, Михалыч, ты скоро будешь пьян!
- Неужели?
- В драбадан!
- Отказали?
- Как догадался?
- Ты в хорошем настроении мне не звонишь. Ты сразу к бабам...
- Это упрек? Ведь я мужчина хоть...
- Уймись. Ты где сам?
- В аду!
- Хорошо. А физический носитель?
- В баре «У Оляши», ну там, где уточка на входе.
- Ничего не принимай, не предпринимай и никому не предлагай. Жди меня в достоинстве!
- Не гарантирую.

2-2

- ...У России какие-то странные символы: самовар – мечта, что всё должно само вариться, готовиться, делаться, а мужичок будет чилить на теплой ласковой печи и зла не знать;

потом матрешка – японская кукла с христианским покровом и славянским лицом, как мать-героиня рождающая из себя всё новые поколения покорных евразийских баб; ещё балалайка – трехструнный недоинструмент, способный максимум на полторы позорные мелодии; ну, водка – тут всё понятно; наконец мишка косолапый – дикий тупой зверь, тренькающий на балалайке, не выходя из спячки, пока битые матрешки заполняют ему водкой самовар... Есть что-то во всем этом апокефальное... м-м, апокрифичное... нет, апофатичное! -ческое...

– Игорь, не мучь ты несчастную официантку! Посмотри, она уже зеленая.

Цокот улепетывающих каблучков:

– Да, мне надо ещё один заказ принять...

– Михалыч! Родный! Залезай на лавку!

– Там реально такая огромная утка на входе шевелится!

И как им только...

– Тут два варианта: или чудо, или фокус.

2-3

– Ваш счет.

– Ой. Михалыч, взгляни, пожалуйста на бумажку, у меня чего-то последнее время начались проблемы с цифрами. Видимо – возраст. Как позавчера исполнилось 27, так и началось.

– Сколько исполнилось?

- Ой, нет, не 27, а 37, говорю же – проблемы с числами; да, и не позавчера, а шесть с половиной лет назад...
- Тебе всегда будет 37, наш дорогой товарищ...
- Сталин!?
- Пушкин! Наш дорогой А.С. Пушкин. Поэт.
- И ты туда же? Что вы все прицепились ко мне с этим Пушкиным?
- Пушкин тут вовсе ни при чем. Пить надо меньше. И цифры не будут...
- Пить! Гениально! Официант, водки Пушкину!

2-4

- Так, а это что? Стоп! Что ты сейчас делаешь? Прекрати немедленно! Ну, это же неприлично на людях... Убери руки от этой салфетки!
- Но мне надо!
- А потерпеть – никак?
- Ты не понимаешь...
- Конечно, мы сырые и убогие, нам не понять... положи салфетку на место! Хватит записывать на ней стихи!
- Серых... дятел... ваксой... пятен...
- Опять какая-то депрессуха!
- Да ладно, ладно...
- Что – ладно? Через полчаса пойдешь опять стюардесс этих...
- Официанток! Богинь!

– Их. Зажимать у кухонь и туалетов. И пихать им вот эти свои...

– Гадости!

– Вирши!

– Пусть терпят! Пусть приобщаются к искусству!

2-5

– Я понял, Михалыч! Всё дело в утке!

– Неужели?

– Утки должны плыть свободными! А эта привязанная зазывала перед дрянным баром с разбавленным пивом!

– От разбавленного тебя бы так не ушатило...

– Так я ещё водочки... Стоп! Не важно! Ты пытаешься меня отговорить от того, что я ещё сам не задумал. Вот! Эврика!

– Твою-то мать...

– Свободу молодым уткам!

– Стой! Безумец, она не улетит, она же механическая...

– Ничего-то ты не понял, рубаха! Утка. Должна. Плыть!!!

Хрясь!

– Сука, там же пруд! Стой, кретин, опомнись!

Бултых!

2-6

Из компактного динамика под потолком негромко раздаётся: «на рассвете без меня, на кассете без меня, без меня

за дверь, без меня домой...»

Игорь, мокрый, крадучись, возвращается в зал и торопливо распахивает по карманам мелко исписанные салфетки с захламленного стола.

«...убегает весь мир, убегает земля, бежит далеко-далеко, без оглядки далеко-далеко...»

– Это же он! Вернись, подлец, кто за утку заплатит?

– Что там?

– Сбежал...

3-1

Черная, древняя ночь стоит над ненасытным городом.

Не спит, ткет лоскутное одеяло эссеист: сшивает разброд широких мыслей тонкой ниточкой смыслов.

Пригорает, чадит огромный, рыхлый, непропеченный каравай у задремавшего над печкой романиста.

Лузгает семки на кухне с друзьями, травит байки комик-стендап.

Вяжет шерстяной разноцветный носок веселый дед сценарист, красный клубок ироничных реплик загнал игривый котенок под стол.

В синем лесу распугал барсуков, совесть свою повесил на сук, рубит живые дрова публицист. Так оборзел от полноч-

ных оков непосильных трудов, что уже пропагандист. Острые щепки летят в оппонентов: политзаключенных в свободной стране.

Жужжит комаром на полянке, все нервы извел песенник-бард.

Распарился в баньке, принял пивка, сотни мыльных пузырей выдувает вечный пухлый ребенок рэпер-поэт. Полуголые сочные нимфы окружают его, кто-то напоминает о почасовой оплате за вдохновение.

Лишь философ один, как всегда один, вытачивает из черного шахматного короля фигурку безумного Ницше.

...Наш герой спит как сурок, темные, холодные мысли укачивают его как безбрежное северное море.

4-1

Нет ничего страшней, чем похмельное утро. Озноб, стыд, отчаянье.

Пробудивший наглый телящик заливался:

«Вся страна в едином порыве готовится скорбеть в связи с 200-летием гибели национальной иконы, ее поэта № 1 с большой буквы «П», главного и любимого героя русского народа по многочисленным социологическим опросам, Александра Сергеевича Пушкина. «Пушкин – это наше всё!» – заявил национальный лидер, председатель госсвета Владимир Владимирович...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.